

Екатерина Мишаненкова

Средневековье в юбке

Женщины эпохи Средневековья: стереотипы и факты

История и наука Рунета

Екатерина Мишаненкова

Средневековье в юбке

«Издательство АСТ»

2020

УДК 94(4/14)-055.2
ББК 63.3(2)-4

Мишаненкова Е. А.

Средневековье в юбке / Е. А. Мишаненкова — «Издательство АСТ», 2020 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-136506-6

Мы читали о них в рыцарских романах и сатирических новеллах Боккаччо, видели в фильмах, разглядывали на картинах. Но единого мнения как не было, так и нет. Это и понятно — что может быть общего у благородных прекрасных принцесс, ради которых рыцари совершают подвиги, и грязных крестьянок, безропотно умирающих где-то там, на заднем плане сериала или романа? Какая она — «правильная» средневековая женщина? «Сосуд греха» или Прекрасная Дама? Ценный товар на брачном рынке или бесправная рабыня мужа? Дерзкая блудница или экзальтированная монахиня? А может все это вместе взятое? Или ничего из этого, так что лучше забыть все, что мы знали или думали, что знаем на эту тему, начать изучать все сначала и искать истину где-то в другом месте, где пока никто не искал. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4/14)-055.2
ББК 63.3(2)-4

ISBN 978-5-17-136506-6

© Мишаненкова Е. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вступление	6
Знай свое место	8
Система трех сословий	8
Вне системы	11
Попытки упорядочить	17
Кто такая женщина?	20
Девушка, жена, вдова	21
Гендерный фактор	22
Исключения	25
Немного теории	26
Вопрос целомудрия	27
Практическое объяснение	29
Честная женщина	30
Под властью мужчины	32
Прикрываясь мужчиной	34
Никакой ответственности	36
Паритет	38
Одинокая женщина	41
Femme sole	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Александровна Мишаненкова

Средневековье в юбке

Женщинам моей семьи – маме, сестре и племяннице

© Издательство АСТ, 2021

Вступление

Типичные средневековые женщины – какие они?

Мы вроде бы десятки раз читали о них в рыцарских романах и сатирических новеллах Боккаччо, видели в фильмах, разглядывали на картинах. Но единого мнения как не было, так и нет. Это и понятно – что может быть общего у благородных прекрасных принцесс, ради которых рыцари совершают подвиги, и грязных крестьянок, безропотно умирающих где-то там, на заднем плане сериала или романа?

Так кто из них – настоящие средневековые женщины, а кто – миф, придуманный писателями и сценаристами?

Может, никаких прекрасных и благородных принцесс не существовало, а все реальные средневековые женщины были скучные и бесправные рабыни своих отцов и мужей? Неграмотные, грязные и унылые, как и само Средневековье в претендующих на реализм современных фильмах.

Или наоборот, средневековые женщины были решительными, умными, уверенными, боролись за свои права с деспотичными и глупыми мужчинами – в полном соответствии с современными модными тенденциями в сериалах и романах?

Какая она – «правильная» средневековая женщина? «Сосуд греха» или Прекрасная Дама? Ценный товар на брачном рынке или бесправная рабыня мужа? Дерзкая блудница или экзальтированная монахиня? А может все это вместе взятое? Или ничего из этого, так что лучше забыть все, что мы знали или думали, что знаем на эту тему, начать изучать все сначала и искать истину где-то в другом месте, где пока никто не искал?

Впрочем, кто хочет откровений и сенсаций – тем надо читать не историческую литературу, а несколько другие жанры. История – наука, которая развивается очень постепенно. Тысячи людей в разных странах мира изучают рукописи, раскапывают курганы, рассматривают под микроскопом картины. Потом они пишут на основе своих исследований статьи и заметки, а другие люди изучают их и пишут уже аналитику, где собирают воедино все, что известно на тот момент по какой-нибудь специфической теме, например «Влияние ареала произрастания клюквы на статистику деторождения во второй половине XIII века».

Конечно, я шучу, но только в том, что касается названия. Мне доводилось читать исследования и на более неожиданные темы. И все они были крайне ценными и познавательными, потому что именно из таких статей узконаправленной специфики и собирается общая картина. Из кусочков – как мозаика.

Что вообще можно рассказать о средневековых женщинах? Многое. Даже слишком. Это настолько огромная и многоплановая тема, которой посвящены десятки серьезных исследований, что главная сложность при написании книги – выбрать, о чем рассказать, а от чего отказаться, потому что количество страниц, к сожалению, ограничено.

Прежде всего само Средневековье очень велико и разнообразно, длилось оно больше тысячи лет и так сильно менялось, что для удобства и хоть какой-то систематизации его принято делить на три части¹ – Раннее, Высокое и Позднее Средневековье. Поэтому, даже если

¹ Средневековье принято условно делить на три части: 1) Раннее Средневековье (476 г. – середина XI века) – от падения Западной Римской империи до конца «эпохи викингов». В это время еще сильно наследие Античности, Европа очень малонаселенна и раздроблена. Это время варварских королевств и набегов викингов, но христианство постепенно набирает силу, складывается феодальная система, и только-только начинает зарождаться идеология рыцарства. 2) Высокое Средневековье (середина XI–XIII век). Это то Средневековье, к которому мы привыкли. Феодализм, власть церкви, рыцари. Население быстро растет, людям не хватает места, денег и еды, поэтому Европа активно воюет, учится и торгует – рыцари стремятся на Восток, в Крестовые походы, Марко Поло едет в Китай, купцы образуют Ганзейский союз и торгуют с Русью, за XII–XIII века сделано больше изобретений, чем за предыдущую тысячу лет (в том числе появились компас, очки, бумага и т. д.). 3) Позднее Средневековье (XIV – начало XVI века). Одновременно пик, вершина Средневековья и в то же время его

брать только Западную Европу, все равно права, обязанности и положение женщин, например, VIII века кардинально отличались от их же прав, обязанностей и положения в XIV веке. Да и сама Западная Европа никогда не была монолитной, следовательно, возможности и воспитание живущих в одно и то же время английских, германских, французских, итальянских и прочих женщин тоже были достаточно разными.

Но все-таки Средневековье не зря выделено в отдельную эпоху. Как бы сильно ни различалась жизнь в разные его периоды и в разных концах Европы, все равно общего остается достаточно много, чтобы оно узнавалось с первого взгляда. Так что и средневековые женщины должны узнаваться. А вот по каким признакам и критериям – давайте разбираться.

кризис. В это время все достигает своего абсолюта – рыцари с ног до головы заковываются в броню и сшибают друг друга с коней на турнирах, короли и герцоги играют в рыцарей Круглого стола, дамские головные уборы стремятся вверх, как и шпили готических церквей, модники и модницы носят обувь с длинными носами и многометровые шлейфы. В какой-то степени Средневековье стало сдавать позиции под тяжестью населения – людей стало больше, чем при том уровне знаний можно было прокормить. Поэтому Позднее Средневековье началось с Великого голода, продолжилось эпидемиями чумы, крестьянскими войнами, гражданскими войнами, Столетней войной, и наконец рухнуло, уступив место набирающему силу Ренессансу, Реформации и Новому времени.

Знай свое место

Система трех сословий

Любое общество в любые времена не может быть однородным. Оно всегда как-то разделено и классифицировано, частично официально, частично стихийно. И даже утопическое бесклассовое общество все равно не смогло бы избежать разделения – гендерного, возрастного, по месту жительства или хотя бы по профессиям.

В Средние века для упорядочения и объяснения неравенства была придумана система трех сословий: те, кто молятся, те, кто сражаются, и те, кто работают. Просто и четко, чтобы каждый мог понимать свое место и осознавать свой вклад в общественное благо. Одни молятся за всех, другие защищают, а третьи работают, чтобы прокормить первые два сословия, и таким образом расплачиваются за защиту от врагов и помощь перед лицом Бога. Очень удобная система, особенно, конечно, для молящихся и сражающихся, и спустя много сотен лет производящая впечатление простой и удобной для понимания структуры средневекового общества.

Однако не тут-то было. Эта система хороша только на бумаге, но она совершенно не отражает реальной действительности.

Более-менее что-то понятно с сословием тех, кто молится. Оно было абсолютно неоднородно, но все-таки состояло из людей, давших определенные обеты, особенно после того, как из Рима окончательно продавили celibat для белого духовенства². При этом оно не только делилось на белое и черное духовенство (эти группы жили по разным правилам, подчинялись разным людям), но и сильно различалось по уровню доходов, положению и образу жизни. Были богатые и бедные монастыри, мелкие священники и владетельные епископы, нищенствующие монахи и клирики на высоких светских должностях. Монастыри вели активную хозяйственную деятельность, епископы могли командовать армиями, и все они наравне со светскими феодалами владели землей и крепостными.

² *Белое духовенство* – священники и церковные иерархи, живущие в миру и общающиеся с мирянами; черное духовенство – члены монашеских орденов.

Миниатюра из «Городка Дам», Кристина де Пизан. Национальная библиотека Франции

Не более однородным было и сословие сражающихся, которое формально включало в себя все дворянство – от мелких помещиков до короля. Система отношений и подчинения в разных странах варьировалась, но изначально она выросла из раннефеодального распределения земель. Король давал земли крупным феодалам (баронам, графам, герцогам), за что те обязаны были ему служить и выставлять на войны определенное количество людей. Эти феодалы в свою очередь выделяли поместья рыцарям и прочему мелкому дворянству, которое тоже расплачивалось личной службой и выставлением некоего количества воинов, в зависимости от размеров владений.

Формально должно было быть так: король требует армию, феодалы сообщают об этом помещикам, те собирают людей, сколько кому положено, из них феодалы формируют отряды и приводят к королю, – вот и получается армия. Фактически именно в таком виде эта система работала только в Англии, где после норманнского завоевания верховным владельцем всей земли был король. В континентальных же странах многие крупные феодалы были независимы от королей, но в общих чертах распределение земель за службу или ренту работало везде.

Трудно назвать однородным сословие, где на одном конце король, а на другом – тысячи бедных дворянских сыновей, у которых ничего нет, кроме, образно говоря, коня и меча. Но на этом сложности не заканчиваются. Как в эту систему вписать, например, уже упоминавшихся епископов или монастыри, владеющие землей и, соответственно, обязанные нести те же вассальные повинности, что и светские лица? В XI–XII веках в Германии эта двойственность вылилась в так называемую борьбу за инвеституру – крупный конфликт между папой и императорами Священной Римской империи. Суть конфликта заключалась в вопросе о том, кто из них имеет право назначать епископов, если те одновременно становятся и имперскими феодалами, и кому те должны в первую очередь подчиняться – императору или папе?

Другие сложности пришли, так сказать, снизу. Феодалная трехсословная система сложилась в эпоху рыцарства и подразумевала, что сословие сражающихся состоит из профессиональных и хорошо вооруженных конных воинов. Но господство рыцарства на полях сражений было недолгим, и в той же Англии (и не только) довольно скоро большой силой стали лучники, то есть выходцы из третьего сословия, бывшие крестьяне. Мне попался любопыт-

ный документ, где была указана стоимость лука, который один из крупнейших йоркистских феодалов Войны Роз лорд Говард покупал для лучшего лучника своего отряда (сверх того, что вся экипировка тоже обеспечивалась за счет этого же лорда). Заплачена за этот лук была очень большая сумма, лук для самого Говарда, тоже упомянутый в этом же документе, стоил намного дешевле. То есть нетрудно догадаться, кто из них кому диктовал условия найма. Как в систему трех сословий вписать таких лучников – высокооплачиваемых и хорошо вооруженных, но совершенно не дворянского происхождения, из семей, работающих на земле?

Впрочем, самое обширное сословие тех, кто работает, со стороны выглядящее относительно единообразным, на поверку оказывается, наоборот, самым неоднородным. Оно изначально учитывало только тех, кто работал на земле, то есть крестьян, которые в свою очередь делились на свободных и крепостных. Причем и те, и другие могли быть как бедными, так и богатыми. А еще могли арендовать землю или владеть ею. Я уж не говорю о мелких различиях в статусе и положении, которые происходили из обстоятельств рождения (в браке или вне его), ремесла, родственников на важных должностях и т. д., включая даже разделение на местных и пришлых.

Чем дальше, тем крестьянство становилось все менее однородным, с развитием буржуазной системы отношений кто-то нищал и шел в батраки, а кто-то брал в аренду целые поместья, женился на дочерях рыцарей и практически сливался с сословием сражающихся, в то же время продолжая платить налоги как сословие работающих.

Вне системы

Существовали и люди, которых никак нельзя было отнести ни к одному из сословий. При чем таких людей становилось все больше, потому что шло бурное развитие городов и городского самоуправления. Да, торговцы и ремесленники тоже вроде бы должны были относиться к сословию работающих, но в систему они не вписывались, потому что в большинстве своем не платили помещикам, то есть не содержали ни сословие сражающихся, ни сословие молящихся. И несмотря на то, что города в большинстве своем все-таки имели сеньора или платили налоги непосредственно королю, из системы они все же выпадали. К тому же городская верхушка нередко становилась настолько богатой, что могла диктовать свои условия феодалам. В итальянских городах-государствах эта верхушка, бывало, присваивала себе титулы и сама становилась правящим сословием, а в Англии короли чуть ли не принудительно заставляли самых богатых горожан принимать рыцарское звание и входить в сословие сражающихся.

Сельский пейзаж, Пуатье или Коньяк. Тестар Робине. Национальная библиотека Франции

Были и другие тонкости. Йен Мортимер в книге «Средневековая Англия. Гид путешественника во времени» пишет: «Люди, не входящие в сословия, – едва ли не самые интерес-

ные из всех, с кем вы встретитесь. Например, слуги. Вы наверняка предположите, что слуги находятся в самом низу общественной иерархии, даже ниже тех, кто работает. Но, как скажет вам любой слуга, за любую службу положена награда, а размер этой награды зависит от того, кому и в какой должности вы служите. Королевский пристав – слуга, но, будучи вооруженным исполнителем королевской воли, он обладает немалой властью – намного большей, чем богатый купец, чьи товары, возможно, его отправили конфисковать. Эконом лорда может сам быть владельцем поместья. Бейлиф, управляющий делами поместья, – тоже слуга лорда, но у него больше власти, чем почти у всех остальных жителей этого поместья. Сыновей лордов зачастую учат хорошим манерам, отправляя в услужение к другим лордам: они тоже слуги, но тем не менее их положение высоко – несмотря на то, что они не имеют никакого дохода. С другой стороны, положение десятилетнего мальчика, прислуживающего в доме зажиточного крепостного или бедного франклина, очень низко – ниже даже, чем у других крестьян. Возможно, когда вырастет, он станет фермером, но сейчас он в самом низу социальной лестницы».

Женщина с прялкой, «Роман о Розе», манускрипт 1490–1500 гг., Франция.

Кроме того, в систему трех сословий совершенно не вписывались люди, ведущие не оседлый образ жизни. Это бродячие торговцы, актеры, работники, перебивавшиеся с места на место и нанимавшиеся на временную работу. В средневековом обществе к ним относились с подозрением и презрением, и они находились на социальном дне, где-то рядом с самой низкоквалифицированной прислугой. Тем не менее это был достаточно большой пласт населения, особенно в неблагоприятные периоды – после войн или эпидемий.

Общественная иерархия		
<p>Миряне (землевладельцы и сельские жители)</p> <p>Герцоги</p> <p>Графы</p>	<p>Миряне (городские)</p>	<p>Духовенство</p> <p>Архиепископы</p> <p>Епископы</p> <p>Аббаты с местом в парламенте*, приор госпитальеров, магистр тамплиеров (до 1308)</p>
<p>Бароны</p>		<p>Аббаты менее значимых аббатств</p> <p>Приоры крупных монастырей, приоры нищенствующих орденов</p>
<p>Рыцари</p>	<p>Мэры «сити» и инкорпорированных городов</p>	<p>Каноники соборов, архидьяконы, приоры небольших монастырей</p>
<p>Эсквайры и джентльмены с доходами более 200 фунтов</p>	<p>Богатейшие купцы с капиталом более 1000 фунтов, олдермены «сити» и инкорпорированных городов</p>	<p>Другое высшее духовенство и богатые ректоры (обычно — нескольких приходов)</p>
<p>Эсквайры и джентльмены с доходами 100 фунтов</p>	<p>Купцы средней руки с капиталом от 500 фунтов</p>	<p>Ректоры единственного прихода</p>
<p>Свободные землевладельцы, йомены</p>	<p>Торговцы с капиталом менее 500 фунтов; профессионалы (врачи, юристы и некоторые мастера-каменщики и плотники)</p>	<p>Викарии приходов</p>
<p>Земледельцы (вольные)</p>	<p>Лавочники, местные торговцы, умелые рабочие, свободные горожане</p>	<p>Капелланы, монахи и низшее духовенство</p>
<p>Крепостные (несвободные)</p>	<p>Рабочие</p>	<p>Отшельники</p>
<p>Домашняя прислуга</p>	<p>Домашняя прислуга</p>	<p>Попрошайки</p>

Общественная иерархия

И наконец, надо упомянуть о людях, которые как бы находились вне общества, хоть и являлись его частью. Это маргиналы – воры, проститутки, нищие, бродяги. Но это уже отдельная тема, тем более что маргинальный слой существовал (и существует) на «дне» любого общества, в любую эпоху.

Попытки упорядочить

Британский историк доктор Корделия Битти называет любую социальную классификацию политическим актом, актом власти: «Те, кто классифицирует, решают, что именно такое разделение самое важное, и определяют, кто в какую категорию попадает. Такой выбор имеет последствия. Разделение общества на отдельные группы дает этим группам общую идентичность, которая влияет на то, как люди, объединенные в них, воспринимаются другими людьми. Маркировка конкретных индивидов идентифицирует этих индивидов как членов определенной группы и тем самым отводит им определенное место в социальной структуре. Невписывание ни в одну из названных групп также может иметь последствия».

Для того, чтобы понять, как средневековое общество выглядело в действительности, а не в теориях, я предлагаю посмотреть таблицу из книги Йена Мортимера «Средневековая Англия. Гид путешественника во времени», которая отображает общественную иерархию в Англии XIV века.

Ни о каком разделении на три сословия и речи нет, общество структурировано в зависимости от финансового положения людей и их рода занятий/местожительства. Получилась нормальная и достаточно понятная иерархическая лестница, включающая в себя и представителей клира, и феодалов, и крестьян, и горожан, и наемных работников.

Муары, божества Судьбы. Миниатюра из «Книг любителей шахмат» Эвара де Конти. Тестар, Робине

Эта структура вполне официальная – государственные органы использовали ее для законов, требующих дифференцированного подхода. Например, в законах о роскоши дотошно и достаточно нудно расписаны всевозможные тонкости относительно того, что разрешено разным группам населения. Вообще, средневековое общество было глубоко формализованным, и несмотря на то, что его структура нам кажется крайне запутанной, на деле там каждый достаточно четко осознавал свое место.

Причем даже внутри одной узкой социальной группы равенства не было и быть не могло. Например, возьмем графов. Может показаться, что они все были равны, ведь они имели одинаковый титул. Но на деле среди них тоже была строгая иерархия, зависящая от того, когда именно данный графский род получил этот титул. Чем титул древнее, тем он престижнее. То же самое было и среди горожан – существовала иерархия цехов³, был личный статус мастеров

³ *Цех* – это торгово-ремесленная корпорация, объединявшая мастеров одной или нескольких схожих профессий, или союз средневековых ремесленников по профессиональному признаку. Также иногда используется термин «гильдия». Цех – чешский термин, гильдия – немецкий. В Англии они могли называться корпорациями или ливрейными компаниями. Изначально никакой специальной терминологии не было, где как хотели, там так и называли. Сейчас чаще всего, чтобы не путаться, корпорации ремесленников называют цехами, а торговые – гильдиями.

в зависимости от их возраста, «стажа», места, занимаемого в цехе, участия в городском самоуправлении и т. д.

В каждой стране, разумеется, были свои особенности сословной иерархии, Англия приведена лишь для примера.

Из сборника законов Эдуарда IV. 1463 год. Глава 5. Об ограничениях в одеждах (отрывок).

Перевод Яны Лариной

Дабы ограничить чрезмерность и несоблюдение субординации, постановлено, что:

...Оруженосцам (сквайрам), джентльменам и всякому титулом ниже рыцаря, их женам (кроме сыновей и дочерей лордов, а также личных сквайров короля) не дозволяется носить узорчатый шелковый бархат или имитирующие его ткани, а также corses⁴ из узорчатого бархата или атласа и горностаевые меха. Штраф 10 марок.

Сквайрам и джентльменам, равно как и другим мужчинам и женщинам ниже вышеперечисленных титулов, не дозволяется носить дамаск или атлас. Данный запрет не касается сквайров-порученцев (squire menial), сержантов (sergeants officers) из королевского домохозяйства, королевских йоменов, йоменов королевских покоев, и сквайров и джентльменов с доходом 40 фунтов в год, жен и вдов, и незамужних дочерей тех, кто имеет доход 100 фунтов в год. Штраф 100 шиллингов.

Стюарды, камергер, казначей и счетовод/гофмейстер/ревизор домохозяйства короля, королевский посланец и личные рыцари короля могут использовать меха соболей и горностаев.

Мэры Лондона и их жены могут носить такие же одежды, как рыцари-бакалавры; олдермены и судьи Лондона, и мэры, бейлифы и другие представители городской власти/помещики могут носить такие же одежды, как сквайры и другие, имеющие 40 фунтов ежегодно...

⁴ По поводу термина «corse» английские исследователи расходятся во мнениях – одни считают, что речь идет о некой обтягивающей одежде, как мужской, так и женской, другие – что о полосах ткани (лентах, тесьме), третьи – что о каком-то виде шелка, четвертые – что это еще одно название пластрона, пятые – что это общее обозначение вещей, аксессуаров. Поэтому пока он в тексте оставлен без перевода.

Кто такая женщина?

Эта запутанная система, которую и системой-то назвать можно только при очень большом желании, становится еще сложнее, когда речь заходит о женщинах. Любое официальное или неофициальное общественное устройство в Средние века, любая классификация и уж тем более законодательство учитывали исключительно мужчин. Женщина как самостоятельная социальная или юридическая единица не существовала.

Однако это формально, а фактически женщины не только составляли половину населения, но и совершенно официально выполняли всевозможную работу, владели имуществом, в том числе и землей, заключали сделки купли-продажи, составляли завещания, а в отдельных (и не таких уж редких) случаях были налогоплательщиками. А для Средневековья быть налогоплательщиком – это значит быть в некотором смысле юридической единицей, потому что налог платился с домохозяйства в целом, и платил его глава семьи. Впрочем, о юридическом статусе женщин и о том, как решался вопрос об их профессиональной деятельности, речь пойдет дальше, сначала надо разобраться, какое же место женщины занимали в социальной структуре общества.

Для начала надо понять, что любая классификация осуществляется по неким переменным, с помощью которых людей объединяют в группы. Например, по возрасту, по семейному положению, по матримониальному статусу, по доходам и т. д. В зависимости от того, какие цели стоят перед тем, кто осуществляет эту классификацию. Чем больше используется переменных, тем сложнее и точнее результат.

В Средние века в качестве таких переменных выступали прежде всего финансы, профессия, происхождение и место жительства. Остальные признаки считались менее важными, да и вообще, официально в социальной структуре общества учитывались только взрослые дееспособные мужчины, женщины и дети были не в счет.

С детьми все понятно, их место мало отличалось от современного, разве что детство заканчивалось раньше. Другое дело – женщины. Разные исследователи расходятся во мнениях, как именно вписывать их в социальную структуру общества. Довольно долго считалось, что вообще никак не надо, женщина была лишь придатком к отцу, а потом мужу, и нет смысла рассматривать ее как социальную единицу. С подъемом феминизма маятник качнулся в другую сторону и появилась тенденция наоборот рассматривать женщин (в случаях, когда те занимались хоть чем-то кроме того, что были женами и матерями) изолированно, без учета их семейного положения и отношений с мужчинами. Ну и третий вариант, который лично мне кажется более перспективным, – это не изолировать гендерный фактор и не заикливаться на нем, а рассматривать его в комплексе с остальными переменными, чтобы понять, как именно он с ними соотносится.

Девица, жена, вдова

Марианна

Простите, государь. Я не могу
Открыть лицо без позволения мужа.

Герцог

А вы замужем?

Марианна

Нет, государь.

Герцог

Девушка, значит?

Марианна

Нет, государь.

Герцог

Тогда вдова?

Марианна

Тоже нет, государь.

Герцог

Ни жена, ни вдова, ни девушка? Выходит, вы никто?

Люцио

А может, она шлюха, государь. Большую ведь
часть их не отнесешь ни к
девушкам, ни к женам, ни ко вдовам.

Уильям Шекспир, «Мера за меру»

Гендерный фактор

Великий Бард, как всегда, краток и точен. Комедия «Мера за меру», написанная в XVI веке, очень четко показывает, как классифицировали женщин, начиная со Средневековья и заканчивая практически началом XX века. Сразу оговорюсь – это всего лишь одна сторона медали, тот самый гендерный подход, но именно это – тот «фасад», который всем был виден и позволял легко и быстро определить социальное положение подавляющего большинства средневековых женщин. Не их реальное место в обществе, не их вес или значимость, а ту «ячейку» в структуре общества, которую они занимали в глазах окружающих.

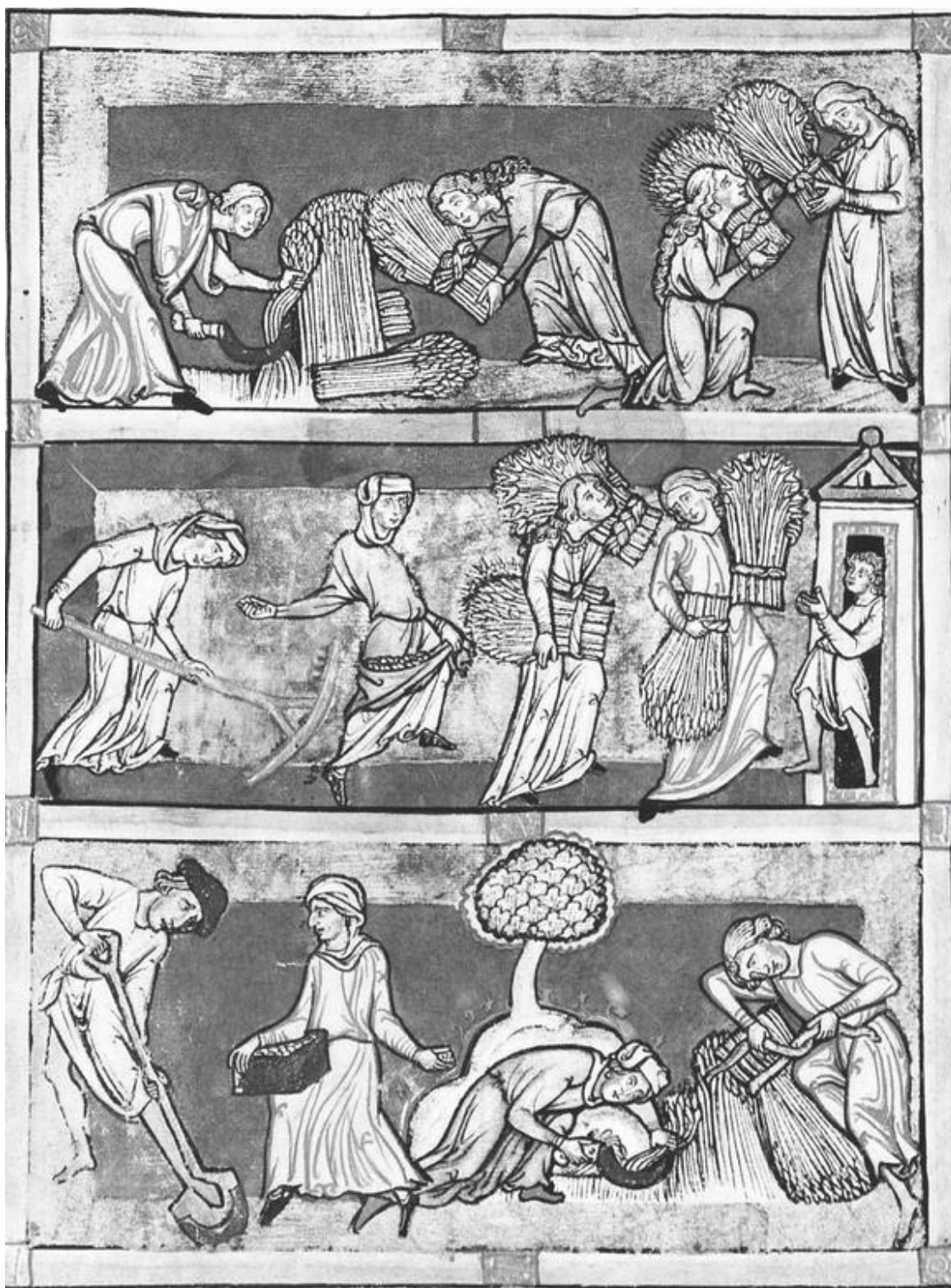
В современных реалиях можно привести в пример, допустим, инженера. Достаточно сказать о ком-то, что он инженер, и у большинства людей в голове складывается система определенных стереотипов – человек с высшим образованием, технарь, прилично зарабатывает. Пара уточняющих слов касательно должности или места работы, и мы довольно четко представляем себе его «ячейку» в структуре общества. При этом его пол и возраст, зарплата, степень квалификации, место учебы, хороший ли он специалист, состоит ли в браке, где живет и т. д. – это дополнительные подробности, которые остаются в тени и в данном вопросе не имеют особого значения, потому что наше общество структурировано в первую очередь по профессиональному признаку. Если спросить о ком угодно: «Кто такой Иван Иванович?» – вам ответят, что он инженер, учитель, менеджер или еще кто-то, то есть назовут его профессию. То же самое касается любой условной «Марии Ивановны», поскольку в современном мире социальная классификация для мужчин и женщин почти не различается (речь, разумеется, о странах так называемого «западного типа»).

В средневековом мире, когда дело касалось мужчин, чаще всего тоже в первую очередь называли профессию, правда, нередко с уточнением касательно места жительства, происхождения или состояния. Сэр Джон – рыцарь из Йорка, мэтр Бономе – хозяин трактира на улице Сен-Жак (то есть в респектабельном районе Парижа), синьор Датини – богатый флорентийский купец.

Но в статусе женщины почти всегда на первом месте стояло ее семейное положение – девица она, замужняя женщина или вдова, причем вне зависимости от принадлежности к тому или иному классу. Дочь графа, например, именовалась леди Мэри Грей, в официальных случаях к этому еще и добавлялось уточнение – «дочь графа Кентского». Дочь купца или ремесленника звалась Мэри Смит и тоже с уточнением, что она дочь, допустим, Джона Смита, плотника.

После замужества все эти женщины практически теряли свое личное имя, которое оставалось для домашнего обихода, и начинали зваться по фамилии мужа – леди Дарнли, мистрис Блэк. В особых, официальных случаях, чаще всего при оформлении важных документов, таких как завещания, уточнялось и имя, которое они носили до замужества. Точнее, имя отца – леди Дарнли, урожденная леди Мэри Грей, дочь графа Кентского. Или мистрис Блэк, жена Томаса Блэка, каменщика, урожденная Мэри Смит, дочь Джона Смита, плотника.

Как нетрудно догадаться, если эти женщины оставались вдовами, они по-прежнему именовались по бывшему мужу, просто добавлялось слово «вдовствующая».

Девы, замужние и вдовы, аллегория, фрагмент манускрипта рубежа XIII–XIV вв., Германия.

Примеры опять же приведены английские, потому что лично мне английская терминология ближе, но и в других странах система мало отличалась. Все знают окончательно сложившиеся к Новому времени и закрепившиеся в языках обращения к замужним и незамужним женщинам – французские мадам/мадемуазель, немецкие фрау/фройляйн, итальянские синьора/синьорита и т. д., в то время как обращение к мужчинам не зависело от их матримониального статуса. Различия в именовании женщин в разных странах в основном косметические – так,

например, в Италии в отличие от Англии было принято гораздо чаще использовать личное имя. У всем известной Моны Лизы дель Джоконда «мона» – вовсе не имя, а вполне традиционное почтительное именование замужней женщины, происходящее от «mia donna» – «моя госпожа». Английский аналог – «миледи». Но если в Англии сказали бы «миледи Джоконда», используя только именование, указывающее на статус знатной замужней женщины, и фамилию мужа, то в Италии, как видите, личное имя дамы тоже использовалось.

Исключения

В приведенном выше отрывке из Шекспира Марианна затрудняется с определением своего статуса, потому что у нее очень уж необычная ситуация. Она не вдова, тут все понятно. Она была помолвлена с Анжело, но он ее бросил, свадьба не состоялась, поэтому она не может на законных основаниях именовать себя его женой. Но сексуальная связь у них была, поэтому она вроде как уже и не совсем девица. А учитывая английскую особенность брачных традиций, по которым обязательство жениться, закрепленное сексом, считалось законным браком, все становится совсем сложно. Поэтому Марианна действительно оказалась в каком-то подвешенном состоянии, между статусами – уже не девица, но пока брак не будет утвержден, еще не совсем жена.

Но эти тонкости можно понять только после достаточно подробных объяснений. А вот так с ходу, поскольку ответы Марианны совершенно не вписываются в привычные реалии, бестактный Лючио делает предположение, что она проститутка. И винить его тут можно только за наглость и длинный язык, но никак не за само предположение, потому что исключений в этой женской социальной классификации действительно было только два – проститутки и монахини. Поскольку монахиня узнавалась сразу – как минимум по обязательной форме одежды, – оставался только один вариант – проститутка, публичная женщина, оказывающая сексуальные услуги за деньги, существующая вне приличного общества, а следовательно, и вне нормальной классификации.

Немного теории

Может возникнуть резонный вопрос – почему такая социальная классификация сложилась именно в Средние века? Дохристианские культуры, включая развитую Античность, гораздо меньше концентрировались на семейном положении женщин. Важна была принадлежность к определенному роду, семье, сословию, иногда степень родства. Семейное положение стояло в этом списке переменных гораздо дальше, а уж между девицей и вернувшейся в родительский дом овдовевшей или разведенной женщиной чаще всего вообще не было никакой разницы.

Ключевое слово в этом вопросе – «дохристианские». Система девица-жена-вдова была плотью от плоти христианской Европы и могла сложиться только там.

Современные научные исследования доказывают, что многие категории, которые нам кажутся само собой разумеющимися, на самом деле появились искусственно, как плод определенной общественной культуры. Так современное понятие «вдова» когда-то было не таким однозначным. В поздней Античности, например, слово «vidua», которое принято переводить как «вдова», обозначало просто женщину без мужа, не важно, овдовела она, развелась или вообще никогда не была замужем. Тогда как в Средние века, наоборот, существовало несколько разных терминов, в частности то же самое слово «vidua» у христианских авторов (которые писали, разумеется, на латыни) стало обозначать женщину, давшую после потери мужа обет целомудрия, а просто вдовы стали именоваться «relicta».

Вообще классификация девиц и вдов у разных средневековых авторов сильно зависела от сексуальной составляющей. Так, например, многие не только вдов разделяли на тех, кто дал обет целомудрия, и тех, кто не исключил для себя возможность нового вступления в брак, но и к девушкам подходили с той же меркой, выделяя в отдельные категории тех, кто девственницы потому, что еще не вышли замуж, и тех, кто сознательно выбрал путь целомудрия.

Подобные примеры свидетельствуют не только о том, что данные гендерно-социальные категории являются искусственными порождениями средневековой общественной культуры, но и о том, что ключевые факторы, повлиявшие на классификацию девица-жена-вдова, – это доминирующие религиозные и правовые идеи того времени. Конечно, на нее повлияли и некоторые важные социально-экономические и политические события Средневековья, но культурно-религиозная составляющая все же доминировала.

А попросту говоря – все дело в сексе.

Вопрос целомудрия

Среди новшеств, внесенных христианством в моральные нормы и традиции, было почти фанатичное отношение к целомудрию. И прежде всего это касается именно первых веков его существования, когда многие богословы в принципе не признавали сексуальные отношения возможными для доброго христианина. Для спасения существовал только один путь – целомудрия. По этой причине церковь довольно долго не занималась вопросами контроля над брачными отношениями и браки продолжали заключаться по старым обычаям – по римскому, датскому, франкскому, германскому праву.

Со временем все же возобладала разумная точка зрения тех богословов, которые понимали, что с таким подходом род человеческий может скоро прекратиться. Христианская церковь росла и набирала силу, ее иерархи были уже не просто пастырями, пришедшими по велению души, а настоящими политиками, видевшими, что язычники плодятся и размножаются, а вот принимать истинную веру не спешат. Для торжества христианства требовалось много добрых христиан, и после многовековых споров официальная позиция церкви пришла к практическому варианту, что целомудрие идеально, но законный брак двух добродетельных людей для рождения детей – тоже хорошо. Или, как сказал Чосер:

*Когда бы девство всем Господь судил,
Тогда б и брак он девам запретил.
Но если нету поля для посева,
Откуда б нарождались сами девы?*

Вот из этих раннехристианских дискуссий о целомудрии выросла и классификация женщин как девиц, жен и вдов – простая и понятная, если осознавать, что под девицей отцы церкви подразумевали именно девственницу. Так эти три состояния женщины идеально вписывались в иерархию спасенных, используемую в трудах святого Амвросия, святого Иеронима и Августина Блаженного и основанную на состоянии целомудрия человека в момент смерти. То есть те, кто никогда не занимался сексом (девицы), те, кто прекратил им заниматься (вдовы), и те, кто продолжает (жены). Основываясь на притче о сеятеле в Евангелии от Матфея, богословы заявляли, что девственницы заслуживают стократной награды, вдовы – шестидесятикратной награды, а жены – тридцатикратной награды.

Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.
Евангелие от Матфея. 13:1–8

Этот подход оказался очень жизнеспособен и поддерживался богословами Высокого и Позднего Средневековья. Так святитель Феофилакт Болгарский⁵ писал: «Три же разряда и тех,

⁵ Феофилакт Болгарский – архиепископ Охрида в византийской провинции Болгарии (ныне Республика Македония),

которые приняли и сохранили семя: одни приносят плод во сто – это люди совершенной и высокой жизни; другие – в шестьдесят, это средние; иные – в тридцать, которые хотя немного, но все же приносят по силе своей. Так, одни суть девственники и пустыnnики, другие живут вместе в общежитии, иные в мире и в браке. Но Господь принимает всех их, как приносящих плод. И благодарение Его человеколюбию!»

Справедливости ради добавлю, что отцы церкви в этом вопросе не делали различий между полами, иерархия спасенных, основанная на состоянии целомудрия, распространялась на мужчин в той же степени, что и на женщин. Но для выстраивания структуры мужского общества эта модель была, разумеется, совершенно нежизнеспособна, поэтому дальше богословских книг и проповедей дело не заходило. А вот для классификации женщин она подошла настолько хорошо, что с определенными вариациями сохранялась почти до конца XX века.

крупный византийский писатель и богослов, толкователь Священного Писания. Жил во второй половине XI века – начале XII века. Несмотря на то, что Феодилакт был богословом восточнохристианской церкви, его работы пользовались большой популярностью в Западной Европе, переводились на латынь и в частности много использовались одним из столпов католического богословия – Фомой Аквинским.

Практическое объяснение

Объясняется, почему эта система так хорошо прижилась и как появились исключения из нее, очень просто. Юридически женщина полностью зависела от мужчины, а из этого вытекали, соответственно, экономическая и даже физическая зависимость. Поэтому в быту и при возникновении любых юридических вопросов обозначение «девица, жена или вдова» было в первую очередь указанием на то, под чьей опекой женщина находится, какие у нее права и с кого надо спрашивать за ее поступки.

При этом богословская классификация повлияла на форму, но не на содержание. Что бы там отцы церкви ни говорили о великом значении девственности, наименьший вес в обществе был как раз у девиц – незамужняя девушка продолжала практически считаться ребенком и мало принималась во внимание. Ее слова почти ничего не значили, она не могла совершать никаких коммерческих операций и вообще рассматривалась как существо слабое, глупое и нуждающееся в опеке. Даже работающие девушки были юридически несамостоятельны и зависели от отца или опекуна.

Замужняя женщина – это уже другое дело. Несмотря на то, что зависимость женщины от мужа была не меньше, чем от отца, в глазах общества она имела совершенно другой вес, потому что жена являлась как бы представительницей мужа. Если дочь – это просто неразумный ребенок, то жена – это была часть мужа, единое с ним существо. Она могла говорить от имени мужа (с его разрешения, конечно, но в его отсутствие автоматически предполагалось, что такое разрешение есть), требовать от его имени выполнения обязательств, делать покупки от его имени, давать от его имени обещания и т. д.

Самой свободной была вдова – даже несмотря на то, что формально вдовы обязаны были находиться под опекой каких-либо мужчин-родственников. Была в их положении такая любопытная двойственность, что опекун вроде как нужен, но если вдова что-то сделает без его разрешения, она в своем праве.

Так что, когда средневековая женщина, отвечая на вопрос «кто вы?», начинала с того, девица она, жена или вдова, этим она сразу поясняла степень своей самостоятельности и дееспособности. А дальше, называя имя отца или мужа, уже расставляла последние точки над *i* – помещая себя в соответствующую ячейку социальной структуры общества.

Монахиня выпадала из этой структуры, потому что, принимая постриг, она уходила из-под ответственности частных лиц и переходила в подчинение религиозного ордена. Поэтому монахини, являясь исключением, не выпадали из социальной структуры средневекового общества, а скорее дополняли ее. После пострижения они приобретали свой окончательный статус, и орден становился их опекуном до конца жизни.

А вот проститутки именно выпадали из системы, что, конечно, тоже неудивительно, потому что даже в тех странах, где их занятие было так или иначе узаконено, они все равно находились вне общества и считались маргиналами, наряду с бродягами и попрошайками. Среди проституток хватало и замужних женщин, и вдов, но в глазах общества, становясь публичными или иначе «нечестными» женщинами, они теряли право так себя именовать.

Честная женщина

Здесь мы напрямую сталкиваемся с таким любопытным моментом, как использование очень популярного в Средние века термина «честная женщина». Он встречается и в литературе, и в официальных документах, в том числе в судебных записях. И что очень неожиданно на современный взгляд – женщин, осужденных за различные преступления, в том числе воровство, в этих документах нередко продолжают называть «честная женщина». Такой вот нонсенс.

Но в те времена это никому не казалось странным – такое отношение вытекало из положения женщины в целом и ее прав и обязанностей в глазах общества. Какие бы преступления женщина ни совершила, если у нее не было любовников, если она хранила целомудрие или была верной женой, и иногда даже если она жила во внебрачной связи, но только с одним-единственным мужчиной (как та же Марианна у Шекспира), – она все равно оставалась «честной женщиной». И суд по этой причине даже мог проявить к ней снисхождение.

Когда женщина оказывалась замешана в какой-то скандал, ее дальнейшая судьба могла быть напрямую связана с ее репутацией. Если соседи и знакомые свидетельствовали в суде, что она добродетельна, известна только примерным поведением и не имеет порочащих связей, судьи любое преступление могли счесть случайностью, в которой виновата слабость женской натуры. А вот распутница в глазах общества была порочна по определению, а следовательно, способна на любое преступление и опасна для общества. Тут пощады ждать не приходилось.

В качестве примера можно вспомнить громкий процесс Марион ла Друатюрьер, закончившийся казнью обеих обвиняемых – самой Марион и ее подруги, старой сводни Марго де ла Барр.

Несчастливая Марион была безумно влюблена в некоего Анселина, а тот с удовольствием попользовался всеми удовольствиями, которые мог от нее получить, после чего обручился с куда более выгодной невестой Агнес. Марион впала в отчаяние и пожаловалась старой знахарке на неверность возлюбленного. О дальнейшем Ольга Тогоева пишет в книге «Истинная правда»: «И та обещала помочь, дав рецепт приворотного зелья, которое Марион должна была подлить Анселину в еду... Однако он никак не желал отказываться от женитьбы. Следовательно, необходимо было новое, более верное средство, и оно было найдено все той же Марго – “такая вещь, что этот Анселин, даже если и женится, все равно вернется к ней и будет любить ее как и прежде”. Подруги сплели два венка из ядовитых трав, которые Марион забрала у Марго накануне свадьбы и на следующий день, во время праздничной пирушки, бросила под ноги танцующим молодоженам. Уже через два дня она узнала, что они больны и не могут иметь сексуальных отношений. Еще через какое-то время они умерли».

Марго де ла Барр приговорили довольно скоро, она не имела никаких шансов, потому что ранее была проституткой, сводней, а также занималась ворожбой, просто это никого не интересовало, пока в результате ее предполагаемых действий никто не умирал. Суд сразу же отменил ее попытки назвать себя честной женщиной, она была человеком вне приличного общества, и общество было только радо от нее избавиться. Другое дело – Марион, которая ни в каких других связях с мужчинами кроме Анселина замечена не была и сама себя именвала «женщиной с достойной репутацией». Судьи с этим были не совсем согласны, но тем не менее и они, обсуждая ее дело, ни разу не мотивировали обвинения против нее «распущенным образом жизни», как это было с Марго. Молодость, относительно хорошая репутация и искренняя любовь, которую она питала к Анселину, играли ей на руку, и смертный приговор ей (хотя однозначно именно она была инициатором колдовства, и она же проводила магический обряд) судьи выносили не единогласно, трое до конца настаивали на наказании у позорного столба и изгнании.

Еще один пример, с более счастливым финалом, – дело Франсуазы Бонвэн из Шерми-ньона в 1467 году. Она тоже была обвинена в колдовстве, причем практически случайно – на другом ведовском процессе обвиняемая под пыткой назвала ее в числе участниц шабаша.

Франсуаза была состоятельной добропорядочной вдовой около 35 лет, владелицей трактира, и к тому же ей хватило ума сразу же нанять опытного адвоката. И вот он в полной мере сумел сыграть на разнице между «честной женщиной» и «нечестной женщиной». Обвинение против Франсуазы строилось только на показаниях уже приговоренной «ведьмы», то есть однозначно «нечестной женщины». Поэтому адвокат собрал свидетельские показания соседей и знакомых своей подзащитной, которые поклялись в суде, что «в ее роду не было ни одного колдуна или ведьмы (т. е. против ее родственников не возбуждались подобные дела), что сама она имеет прекрасную репутацию», и таким образом доказал, что она «честная женщина» и ни с какой стороны не может быть заподозрена в колдовстве. И уж тем более ее слово, добропорядочной вдовы, намного весомее слова «ведьмы».

Под властью мужчины

Итак, система вроде бы проста. Есть честные женщины – девицы, жены и вдовы, опекаемые мужчинами; есть монахини, опекаемые своим орденом и вообще лишенные сексуальной жизни; и есть проститутки – нечестные женщины, блудницы, грешницы, исключенные из системы общественных отношений. Однако была еще одна категория, которую в эту систему поместить нельзя, потому что она была в основном юридической, и в той или иной степени в нее могли входить как честные, так и нечестные женщины. Речь идет о женщинах, обозначаемых в документах как *femme sole*.

Но прежде чем рассказать о них подробнее, надо прояснить, что же представляла собой женская зависимость от мужчины в Средние века.

Довольно часто средневековая женщина выводится как фактическая рабыня мужчины, безгласная и бесправная, не человек, а вещь, которую можно купить и продать, можно убить или выкинуть на улицу без всяких последствий. Так ли это было на самом деле? Для наглядности в качестве примера вновь отрывок из комедии Шекспира – все-таки ему нет равных в точности характеристик и мастерстве несколькими словами обрисовать ситуацию.

Не топай, киска, не косись, не фыркай —
Я своему добру хозяин полный,
А ты теперь имущество мое:
Мой дом, амбар, хозяйственная утварь,
Мой конь, осел, мой вол – все что угодно.
Вот здесь она стоит. Посмейте тронуть —
И тут же я разделаюсь с любым,
Кто в Падуе меня задержит. Грумию,
К оружию! Хотят ограбить нас!
Спасай хозяйку, если ты мужчина.
Не бойся, Кэт, тебя никто не тронет:
Я отобью хоть миллион врагов.

Уильям Шекспир, «Укрощение строптивой»

Как это часто бывает, Шекспира и здесь не все понимают правильно. Взгляд цепляется за слово «имущество», и этого бывает достаточно, чтобы вызвать негодование и дальше уже не анализировать. Между тем Петруччо в этой речи ничего не говорит о том, что он имеет право своей жене, как своему имуществу, сделать что-то плохое. Речь идет о том, что он вправе защищать ее, как любое свое имущество, от посягательств со стороны. Теперь он несет за нее ответственность, он ее опекает, и любое посягательство на нее – это вызов именно ему. В данном случае он ловко это использует, чтобы пресечь возражения самой Катарины, но показательно, на какие собственные права он упирает.

Да, дело именно так и обстояло. Муж был хозяином жены, но не ее владельцем, она обязана была подчиняться ему, но не как вещь или рабыня. И хотя ее положение было подчиненным, прав и обязанностей у них обоих было фактически поровну.

Думаю, понятнее будет, если провести аналогию между положением средневековой женщины и положением современного ребенка. Точнее, не совсем современного – сейчас детей стало принято опекать как «растение мимоза в Ботаническом саду» (как писал когда-то Сергей Михалков об очень опекаемых детях), – а ребенка второй половины XX века.

Представьте себе обычные отношения отцов и детей. Ребенок обязан подчиняться родителям – те имеют право ограничивать его свободу, могут давать ему деньги или не давать, сами решают, что ему надевать, чем питаться, куда ходить, покупают ему тоже то, что сами считают нужным. Родители выбирают круг общения своего ребенка, принимают за него решение, чем ему заниматься – музыкой или футболом, решают, в какой вере его воспитывать. За проступки родители наказывают ребенка по своему разумению – кто-то ставит в угол, кто-то лишает сладкого, кто-то читает нотацию, кто-то не пускает в кино, а кто-то и порет ремнем.

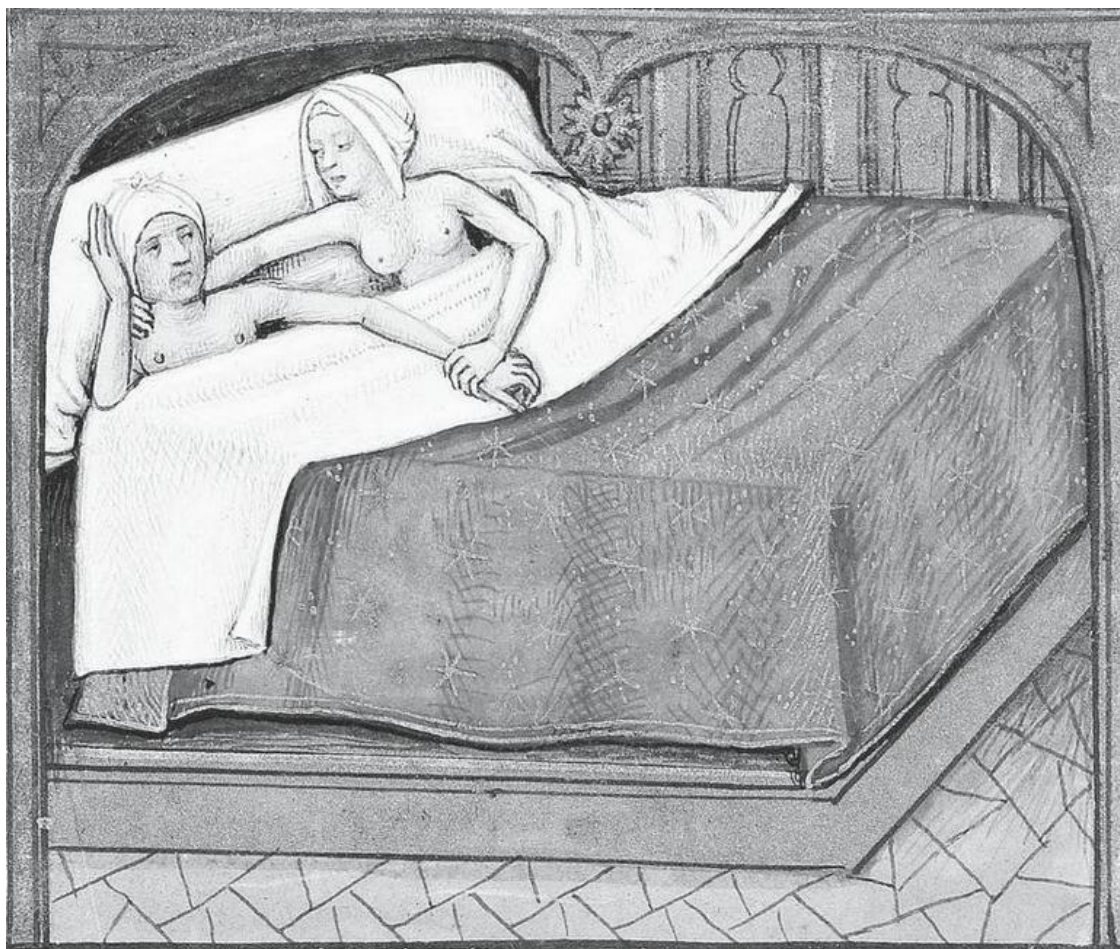
В то же время родители несут за ребенка полную ответственность, содержат его, воспитывают, следят за его здоровьем, платят за него штрафы в случае какого-то нарушения общественного порядка. Если с ребенком что-то не так, именно родители подвергаются общественному осуждению, а в особых случаях могут быть лишены родительских прав и даже привлечены к административной или уголовной ответственности.

Ребенок может бунтовать или договариваться с родителями, он может убежать из дома (но его поймают и в большинстве случаев вернут родителям), он может добиваться своего просьбами, лаской, скандалами и прочим эмоциональным давлением. И тут, по сути, все зависит исключительно от личных качеств людей. Кому-то повезло с умными, добрыми и справедливыми родителями, а из кого-то «дурь» выбивают ремнем. И никакой закон не защитит ребенка, если родители из идейных соображений кормят его одной травой или, наоборот, перекармливают его до третьей стадии ожирения, и он к совершеннолетию получает целый букет заболеваний.

А теперь замените в этой системе ребенка на женщину, а родителей на мужчину (отца, а потом мужа), и вы примерно поймете, каким было юридическое положение средневековой женщины. Принципиальное отличие только одно – достигнув совершеннолетия, ребенок имеет право уйти в «свободное плавание», а у средневековых женщин такая возможность была далеко не всегда. В основном они могли полностью освободиться от зависимости только в трех случаях – овдовев, приняв обет безбрачия или официально развехавшись.

Прикрываясь мужчиной

Трудно поверить, но плюсы у такого положения для женщин были, причем немалые. Да, у них формально не было прав как-то участвовать в общественной и экономической жизни. Но, во-первых, они все равно участвовали, просто прикрываясь именем своих мужей, а во-вторых – они и ответственности никакой не несли. Им были положены все привилегии их отцов и мужей, в соответствии со статусом и должностью последних, но отрабатывали эти привилегии только мужчины.

Жена выпытывает у мужа его секреты, «Роман о Розе», манускрипт 1490–1500 гг., Франция.

«Когда король рассылает своим шерифам повестки о сборе армии, рисковать жизнью в бою должны мужчины, а не женщины, – пишет Мортимер. – Тем не менее высокопоставленные женщины пользуются всеми привилегиями, положенными “тем, кто сражается”. Они могут получать в наследство землю – даже если условием ее получения является военная служба. Кроме того, высокопоставленные женщины пользуются и всей полнотой власти своих мужей. Многие вдовы даже радуются, когда люди вспоминают их покойных супругов, – в конце концов, какая вдовствующая графиня хотела бы, чтобы все забыли, что когда-то она была замужем за графом?»

В других странах ситуация была немного другой, учитывая специфику английского феодализма, быстро покончившего с континентальной системой «вассал моего вассала – не мой вассал». В Англии все были вассалами короля. Но тем не менее в отношении женщин ситуация

была примерно одинаковой по всей Европе. Потеряв мужа, дама не теряла свой статус. Была графиней – осталась графиней. А отрабатывает свой титул пусть новый граф мужского пола.

Более того, если женщина подчинена мужу, это не значит, что она подчинена мужчинам вообще. Наоборот, это значит, что она подчинена только мужу, хоть королева, хоть простая крестьянка. А кто-либо еще может ею командовать только в судебном порядке.

Никакой ответственности

Женщины от имени своих мужей могли вести дела, управлять замками и даже командовать армиями – в отсутствие мужей женам королей и знатных сеньоров приходилось брать на себя и защиту земель от врагов, и усмирение восстаний, а женам купцов и ремесленников – руководить «бизнесом» своих супругов. При этом, если они совершали какие-то ошибки, ответственность несли мужья, потому что сами женщины отвечали только перед ними, а не перед законом или сеньором.

Женщина подчинялась мужу, но при этом по статусу была ему равней, то есть все, кто ниже него, были и ниже нее, не важно, какого они были пола. Слуги мужа – слуги жены, вассалы мужа – вассалы жены. В большинстве случаев было именно так. Не юридически, конечно, но фактически.

Вы когда-нибудь задумывались, откуда в Европе пошла традиция давать в качестве оплаты не наличные, а чек, то есть долговую расписку, по которой потом можно получить деньги? Все оттуда же, из юридического положения женщин. Деньги принадлежали мужу, но за покупками-то ходила чаще всего жена. Конечно, ей можно было давать деньги, но попробуй проконтролируй, на что она на самом деле их потратит. Оплата по распискам позволяла намного надежнее контролировать расходы. К тому же носить с собой деньги могло быть опасно, а кое-где женщинам вообще запрещалось делать покупки – как сейчас детям запрещают покупать алкоголь.

Но у такой системы была и обратная сторона – ведь женщина не несла никакой финансовой ответственности. И уголовной, часто, кстати, тоже. То есть можно было пройтись по лавкам, набрать всего, чего душа пожелает, а платить потом приходилось мужу. А если он не сможет заплатить, в долговую яму бросят его, а не жену. Он со своей стороны может жену за это побить, но ущерб-то понесут оба. А дальше что? Можно избить жену до полусмерти, но на это она имеет право пожаловаться в церковный суд, где мужа приструнят и будут наблюдать за его поведением (чем не ювенальная юстиция). Можно сказать всем лавочникам, чтобы ничего ей больше не продавали, и стать посмешищем в глазах всей округи – с бабой не сумел справиться...

Из книги Йена Мортимера

«СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ. ГИД ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ»

Еще следует помнить, что дискриминация женщин существует только в юридическом плане, а не в личном. Если женщина достаточно сильна духом, то может легко постоять за себя перед мужем – об этом вам с удовольствием расскажет чосеровская Батская Ткачиха. Мужу законом разрешается бить жену, но если он бьет ее слишком часто, она может подать на него в церковный суд за жестокость, и его там утихомирят. Но вот муж, избитый женой, в суд подать не может, потому что ни один суд не посочувствует мужчине, который настолько слаб, что не способен справиться с собственной женой. Точно так же мужу, который хочет подать в суд на жену за неверность, приходится признаться, что он рогоносец, и это неизбежно вызовет насмешки. Если муж и жена вместе вступили на преступный путь – многие семьи действительно так поступают – и совершили преступление, которое карается смертной казнью, то вешают только мужа. Жене достаточно сказать в суде, что она лишь исполняла его приказы. Благодаря подобным нюансам неравенство, которое

на пергаменте выглядит жутким, в реальной жизни (по крайней мере, для большинства) довольно терпимо. По выражению Батской Ткачихи, «любая жена способна убедить мужа, что черное – это белое, да еще и служанку позвать в свидетельницы». Так что в конечном счете большинство людей как-то договаривались и строили семейные отношения на основе взаимных обязательств и уступок.

Кстати, многие из этих законов, появившихся в Средневековье, действовали до самого последнего времени. Еще в первой половине XX века в Англии за совместное преступление супругов вешали только мужа, да и сейчас в таких случаях жена автоматически считается только исполнительницей, а основная ответственность на муже. А знаменитые акции суфражисток, рубежа XIX–XX веков, которые сейчас выглядят безумно опасными, на деле мало чем грозили их участницам. Женщины могли устраивать пикеты, демонстрации и даже теракты, но их за это максимум могли подержать месяц в тюрьме, и то если родственники штраф не заплатят.

Паритет

Учитывая все написанное выше, когда меня спрашивают о правах женщин в Средние века и о том, было ли тогда хоть какое-то равноправие полов, я обычно говорю, что нет, равноправия не было, но был паритет. И здесь опять для иллюстрации стоит обратиться к Шекспиру.

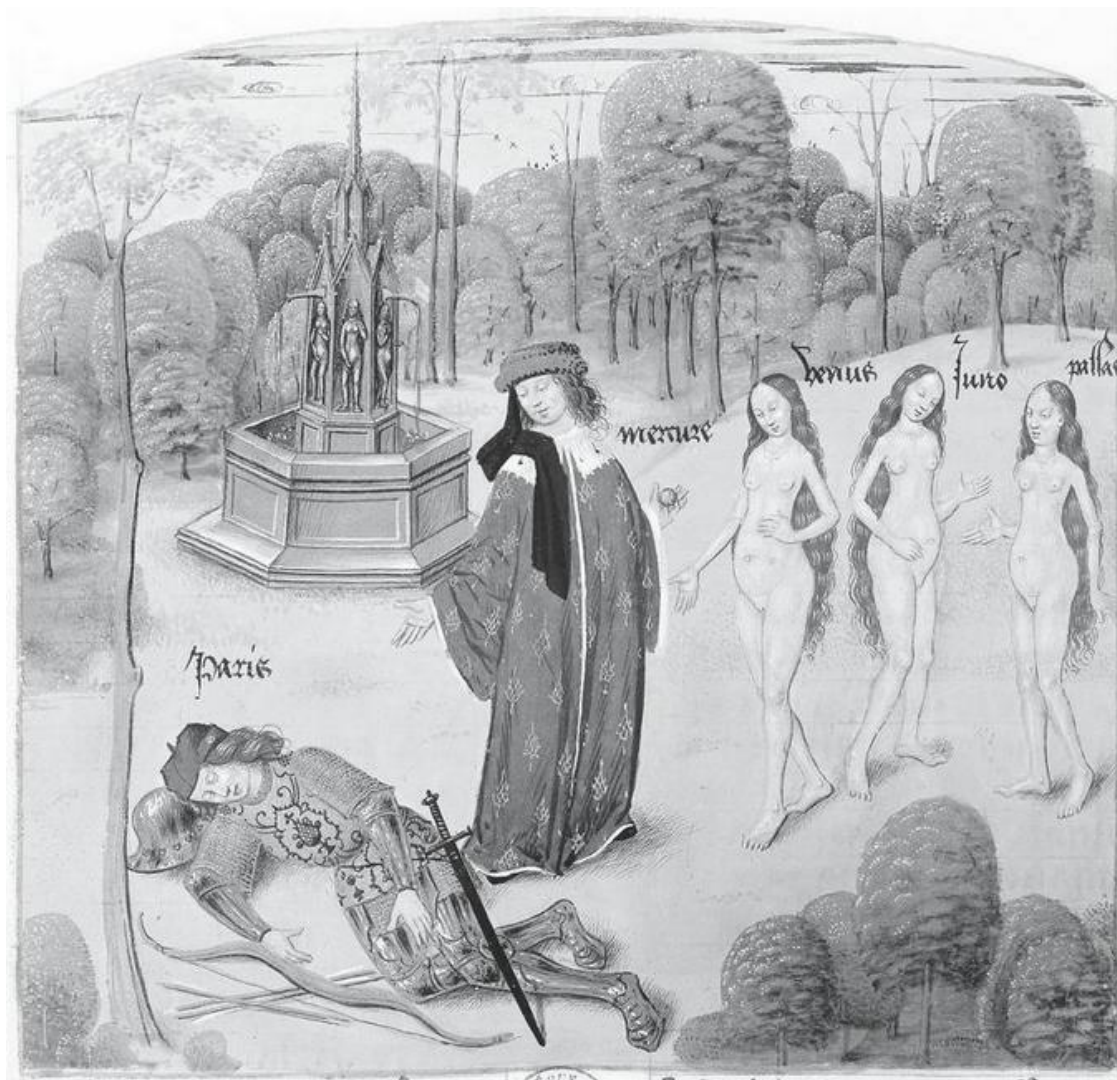
Муж – повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья —
Ничтожной платы за его труды.
Как подданный обязан государю,
Так женщина – супругу своему.
Когда ж она строптива, зла, упряма
И не покорна честной воле мужа,
Ну чем она не дерзостный мятежник,
Предатель властелина своего?

Уильям Шекспир, «Укрощение строптивой»

Финальный монолог «укрошенной» Катарина у многих современных женщин вызывает вполне справедливое негодование. Как это так – «муж господин твой»? С какой стати? Однако справедливо оно только для современности, а не для Средневековья или Возрождения. И чтобы понять это, достаточно внимательно прочитать, о чем же именно говорит Катарина.

Шекспировская женщина, так же как и средневековая женщина, в идеале, не работала, а занималась только мужем, домом и детьми. Работать должен был только мужчина. То есть речь в монологе о том, что долг мужчины – заботиться о жене, защищать ее, содержать, трудиться ради этого изо всех сил, а долг женщины – окружать вернувшегося с работы мужчину нежностью и комфортом. Это и есть средневековый паритет в отношениях между полами. У женщины не было мужских прав, но у нее не было и мужских обязанностей.

Определенная логика в этом, согласитесь, есть. Многие женщины и сейчас хотели бы отношения по такому же принципу – муж работает, чтобы содержать семью, а жена обеспечивает ему «надежный тыл». Увы, современные «домостроевцы» все время забывают, что в обмен на женское послушание мужчина обязан был принимать на себя всю ответственность за свое и ее благополучие, не говоря уж о том, что христианский брак являлся нерасторжимым и заботу о жене приходилось брать на себя пожизненно. А в тех случаях, когда женщины тоже работали, мужьям и в Средние века приходилось поступаться частью своих прав.

Суд Париса, «История Трои», манускрипт второй половины XV в., Франция.

Но, конечно, средневековым женщинам завидовать не стоит, не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто я пытаюсь приукрасить их жизнь. Большинство женщин на протяжении всего Средневековья, Возрождения и Нового времени имели очень мало прав. И далеко не всех устраивал тот самый паритет, который к тому же мужчины то и дело пытались нарушить, требуя от женщин выполнения их обязанностей, а своими пренебрегая.

«Положение девы или жены, – пишет Йен Мортимер, – зависит от мужчины, который ее обеспечивает. У девушек это отец или отчим. После замужества – муж. Выйдя замуж, женщина оказывается в полной власти мужа. Она не может отказать ему в сексе, взять деньги в долг без его согласия, избавиться от какого-либо имущества... Монахини находятся примерно в такой же зависимости от монастыря – их считают невестами Христа. Только вдовы и старые девы более-менее независимы, и то вдов обычно оценивают по общественному положению последнего мужа. Это самый главный и неотъемлемый аспект жизни женщин. С рождения до вдовства они живут под чьим-либо (обычно мужским) контролем, по крайней мере номинальным».

Этот паритет был хорош для сильных духом женщин, у которых хватало характера отстаивать свои права. Или для богатых, защищенных законом и своей семьей, – юридических возможностей оградить женщину от произвола мужа тоже хватало. Выигрывал тот из супругов, у которого было больше ресурсов – моральных, душевных, физических и материальных – чтобы взять верх. Впрочем, разве сейчас по-другому? Одни женщины терпят побои и измы-

вательства, не пытаясь воззвать к защищающему их государству, а другие запрещают бывшим мужьям видеться с детьми, тоже не думая ни о законах, ни о благополучии этих детей, а лишь упиваясь своей властью. Мужчины в свою очередь подчинения требуют, а нести ответственность не желают. Можно сказать, что законы изменились в лучшую сторону, юридическое равноправие появилось, но люди сами ему упорно сопротивляются и держатся за наследие Средневековья не в самом лучшем его проявлении.

Одинокая женщина

Femme sole

«Закон, – пишет Корделия Битти, – был, конечно, еще одной доминирующей силой в средневековом обществе. Как и христианские правила, он не был зафиксирован в одном наборе текстов или в одном учреждении: существовало множество пересекающихся правовых норм... Закон, например, касался всех обычных экономических операций: кого можно преследовать за долги, а кого – нет, и можно ли отказаться от сделки». Именно в этом контексте – правовом – появляется еще одна категория женщин – *femme sole*. Точнее, надкатегория, потому что она не выделяется в дополнительную группу помимо девиц, жен, вдов, монахинь и проституток, а включает в себя отдельных женщин из этих групп.

Термин *femme sole* сам по себе достаточно двойственный и в разных документах использовался по-разному. Изначально он, как пишет Корделия Битти, касался «правового положения замужней женщины в соответствии с общим правом. В соответствии с общим правом незамужние женщины (совершеннолетние) могли владеть землей и имуществом, продавать и завещать такое имущество, а также подавать иски и быть привлеченными к ответственности, в то время как замужние женщины не могли этого делать. После вступления в брак вся собственность женщины (недвижимость и другие активы) переходила под контроль ее мужа, за исключением ее личной одежды и драгоценностей. Хотя некоторые называют это «единством личности», лучше рассматривать его как опеку: жена оставалась собственницей, но по общему праву муж нес за нее юридическую ответственность... Именно из-за этой позиции общего права замужняя женщина упоминается в различных правовых документах как *coverte de baron* (опекаемая своим мужем) или как *femme coverte* (опекаемая женщина). В противовес этому незамужняя женщина значилась как *femme sole*, в буквальном смысле – одинокая женщина. Но как юридический термин *femme sole* – это “женщина, не находящаяся под опекой”. То есть, в том числе так не могли называть и несовершеннолетнюю девушку, потому что она находилась под опекой отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.